

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-56–66

СВЕТИЛЬНИКИ С «ПОЛЯНКИ»

А.А. Масленников

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

E-mail: iscander48@mail.ru

ORCID: 000-001-8292-1572

Статья посвящена находкам керамических (красно- и сероглиняных гончарных и лепных) светильников на поселении Полянка. Первых немного (8 целых экз.). Большая часть вторых (13 экз.), скорее всего, выполняла функцию курильниц. Почти все гончарные и до половины лепных происходят из помещений и датируются I в. до н.э. Все они находят многочисленные аналогии на различных античных памятниках Боспора и Северного Причерноморья. Гончарные и отчасти лепные светильники-курильницы наряду с некоторыми другими артефактами и археологическими реалиями являются своего рода индикаторами жилого предназначения того или иного помещения.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, поселение Полянка, античные гончарные лампы и лепные светильники-курильницы, хронология, жилые помещения

Как это не покажется странным, но предмет настоящей публикации с его типологиями и хронологиями сам по себе малоинтересен автору. Зато, как представляется, он важен в плане понимания некоторых археологических реалий и даже, пусть и частных, но исторических реконструкций. И тем не менее...

Среди товаров, поставляемых на край Ойкумены (в данном случае – древний боспорский город Танаис в устье Дона) и «приличествующих» цивилизованному образу жизни, Страбон (Strab. XI. 2. 3) не упоминал светильники. Экая мелочь на «фоне» куда более важных статей экспорта. Между тем эти предметы домашнего обихода, как известно, – характернейший «элемент» античного «набора» массового (фрагменты) и индивидуального археологического материала. В полной мере это относится и к памятникам Боспорского государства. В городских слоях и комплексах, начиная с архаики, их, естественно, больше. На объектах же хоры, столь же естественно, – меньше. Еще реже встречаются они в некрополях, хотя в

Данные об авторе. Александр Александрович Масленников – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00088 «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврии и Синдики в позднем эллинизме», <https://rscf.ru/project/23-18-00088/>.

позднеантичных склепах, судя по специальным нишам, – почти что обязательны. Присутствие светильников в сакральных объектах, в том числе сельских вообще – тема особого рассмотрения.

Разумеется, прежде всего мы имеем в виду классические гончарные, «фабричные» изделия – как привозные, так и местного производства. Количество их в силу ряда причин, по всей видимости, не покрывало спроса, поэтому «в ходу» всегда были, как правило, весьма простенькие и даже грубоватые варианты лепных ламп. Особенно это касалось убогих жилищ рядового населения так называемой дальней боспорской хоры позднеэллинистического и римского периодов. Слово «жилище» мы употребили здесь вовсе не напрасно, но об этом – потом. (Как, а главное, чем «освещались» сопредельные варвары – отдельный «разговор». Ведь не оливковое же масло они жгли, а достаточно тонкостенные античные светильники на другое и не были рассчитаны...). Все, только что сказанное относительно «убогости» быта, включая жилища, в полной мере относится к обитателям одного из поселений Крымского Приазовья, существовавшего на непростом, а порой и драматическом этапе местной истории: в I в. до н.э. Да, речь опять пойдет о «Полянке», самом раскопанном сельском поселенческом объекте этого времени не только на Боспоре, но и во всем (говорим это со знанием дела) Северном Причерноморье. И при всей своей непрезентабельности он по-своему «того стоит».

Итак, среди очень небольшого числа так называемых индивидуальных находок светильников вообще совсем немного, а гончарных, в том числе «штампованных» (оттиснутых в формах) – всего 8 экз. Сначала о них, а потом – немного о лепных. Их несколько больше. Вот наше собрание в последовательности обнаружения его «составляющих»:¹

1. ВКАЭ. 1984. Оп. 148 (рис. 1, 1). Помещение 5, на полу, возле печи. Закрытый, красноглиняный, однорожковый целый светильник. Ручка «петелька» – вертикальная неплоская в сечении. Тулово относительно высокое, подбиконическое с выраженным ребром. Отверстие для масла довольно большое и как бы в глубине воронки, закопченное. Короткий, расширяющийся к краю рожок (носик) (также с закопченным отверстием) подтреугольной в плане формы. Дно плоское.

2. ВКАЭ. 1984. Оп. № 153 (рис. 1, 2). Помещение 2, на полу. Маленький, закрытый, сероглиняный (глина без видимых включений), однорожковый светильник. Ручка (вертикальная «петелька») и край рожка (носика) утрачены. Изнутри слегка закопченный. Тулово подбиконическое с ребром посередине. Отверстие для масла довольно большое, круглое. Дно плоское. Носик (рожок) выделен с двух сторон валютообразным желобом.

3. ВКАЭ. 2008. Оп. 19. Помещение 37 (рис. 1, 3). Закрытый, сероглиняный, однорожковый светильник. Ручка и край рожка (носик) утрачены. Тулово скорее подбиконическое, но невысокое. Короткий рожок выделен двумя продольными желобками (валютами?). Отверстие для масла в виде неглубокой воронки (слегка закопченное) расположено по центру щитка и как будто бы украшено рельефными овами по кругу. Дно плоское. Сбоку – с двух сторон, примерно по центру ту-

¹ Автор благодарит Н.В. Быковскую, заместителя генерального директора ВКИКМЗ, за любезную помощь в работе с артефактами из фондов музея.

лова – два подпрямоугольных, разделенных бороздками выступа – «псевдоручки/крылышки».

4. ВКАЭ. 2009. Оп. 11. Помещение 40 (рис. 1, 4). Пол. Темно-сероглиняный, закрытый, двухрожковый, практически целый (край рожка подклеен) светильник. Тулово, скорее, биконическое, чем округлое, но без выраженного ребра. Ручка вертикальная, плоская, с продольной ложбинкой. Отверстие для масла небольшое, на дне неглубокой воронки, выделенной валиком. Рожки (носики) украшены двусторонними ложбинками-валютами. Их слегка расширяющиеся края подтреугольные в плане. Отверстия для фитилей слегка закопченные. Дно на низком поддоне.

5. ВКАЭ. 2012. Оп. 156. Помещение 59 (рис. 1, 5). Светильник закрытый, однорожковый, красноглиняный, почти целый (утрачена ручка). Носик (рожок) длинный, с подтреугольным в плане, слегка расширяющимся краем. Тулово округлое. Отверстие для масла относительно небольшое, круглое, в неглубокой воронке. Дно плоское. Край носика снаружи и изнутри закопчен.

6. ВКАЭ. 2012. Оп. 161. Помещение 59 (рис. 2, 6). Закрытый, красноглиняный (глина без видимых включений), однорожковый, частично фрагментированный светильник. Ручка – высокая овальная «петелька» с продольным «желобком». Носик (рожок), украшенный валютами (?), полностью не сохранился. Тулово высокое, биконическое. Отверстие для масла круглое, довольно большое и выделенное заметным бортиком. Дно плоское. Следов горения изнутри и снаружи как будто бы нет.

7. ВКАЭ. 2017. Оп. 72. Помещение 86 (рис. 2, 7). Светильник маленький, почти целый (нет ручки), сероглиняный, закрытый. Поверхность как бы окатанная. Тулово – близкое к биконическому. Носик (рожок) короткий, со слегка расширяющимся подтреугольным в плане, закопченным концом. Отверстие для масла относительно небольшое, в центре «щитка», выделенного валиком. Вокруг как будто бы орнамент из выпуклых ов. Дно плоское.

8. ВКАЭ. 2017. Оп. 113. Квадрат 167, под вымосткой, I в. до н.э. (рис. 2, 8). Светло-красноглиняный, однорожковый, закрытый, высокий, частично фрагментированный (утрачены край носика, ручка) светильник. Тулово, скорее, биконическое, с заметно вытянутой нижней частью. Носик (рожок), очевидно, «остроконечный», недлинный, сильно закопченный. Отверстие для масла по центру, в неглубокой воронке. Поддон, близкий к плоскому (с небольшим прогибом вовнутрь). С боков, почти по центру тулова – два (?) маленьких острых выступа (один сбит).

Таким образом, перед нами, в сущности, ничем не примечательная, немногочисленная группа предметов обихода, по своим датировкам в целом соответствующая хронологии основных этапов жизнедеятельности поселения Полянка (вторая треть – середина последней четверти I в. до н.э.). Единственное исключение (№ 8) вполне объяснимо многократно упомянутой в разных наших публикациях хроностратиграфической особенностью данного памятника (наличие как бы двух основных, разделенных незначительной временной лакуной, территориально соседних массивов культурных напластований и комплексов: III–II и I вв. до н.э.).

Рис. 1. Красноглиняные и сероглиняные гончарные светильники.
Fig. 1. Red clay and gray clay pottery lamps.

Все это, скорее всего, местное (боспорское) производство – подражания соответствующему импорту. Что касается аналогий и опять-таки датировок, то скажем следующее. Все красноглиняные светильники, кроме № 8, – примеры так называемых кувшинообразных сосудиков, широко распространенных в I в. до н.э. – I в. н.э., и им без труда находятся многочисленные «параллели» в разных публикациях, в частности, в известном Своде светильников (Т. II) из собрания Керченского музея древностей. Более того, некоторые из них (находки до 2008 г.) присутствуют в этом каталоге. Почти все вышеперечисленные светильники попадают в группу позднеэллинистических, включая I в. до н.э. и даже начало следующего века². В основу такой датировки положен археологический контекст, что, в принципе, естественно, но уже, как представляется, не вполне достаточно. Желательна более детальная, дробная и узкая типология и хронология. Впрочем, некоторые наблюдения и уточнения, в том числе касательно светильников, аналогичных нашему собранию, все-таки в ряде случаев присутствуют. Так, кувшиновидные лампы как тип, видимо, проявились еще во II в. до н.э.³. Но распространенными, как только что отмечалось, они становятся позднее, в I в. до н.э., причем исследователи выделяют не менее 4-х их типов с несколькими вариантами⁴. «Наши», скорее всего, можно отнести к достаточно поздним (середина, вторая половина этого же века), при этом они очень похожи на соответствующий набор из Резиденции Хрисалиска⁵. Попутно в этой связи заметим, что местная «мода» на сероглиняные светильники как бы pendant распространению сероглиняной же столовой посуде с лаковым покрытием в первые постмитридатовские десятилетия⁶. Впрочем, авторы упомянутого Свода полагают, что таковые – с рожками, обрамленными волютами, в том числе двухрожковые – бытовали несколько дольше (вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.)⁷. Вообще говоря, значительная часть простых красно- и сероглиняных светильников постмитридатовской эпохи как будто бы сохраняет общность форм и декора на протяжении довольно длительного времени, и выявление соответствующих «деформаций» и особенностей – задача более углубленного исследования.

Однако, как отмечалось выше, рассматриваемые находки важны и интересны для нас в другом аспекте. Но прежде об изделиях, которые также могли бы быть светильниками. Четыре из них, несомненно, служили этим целям. Они, да и другие маленькие лепные «произведения» почти наверняка – дело рук полянкинских же «мастеров». Одно (ВКАЭ. 1986. Оп. 560) как будто бы имитация закрытого гончарного светильника. Другое – некое подобие сапожка (ВКАЭ. 2012. Оп. 171). Два следующих (ВКАЭ. 2011. Оп. 81 и ВКАЭ. 2012. Оп. 200) – так называемые ладьевидные, хотя последний более напоминает «вчерашнюю» калошу. Сложнее с остальными, более многочисленными лепными изделиями. Мы имеем в виду хорошо знакомые многим археологам, имевшим дело с памятниками позднеэллинистического и римского времени, артефакты, а именно: как правило, неболь-

² Журавлев и др. 2010, 121.

³ Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 43, fig. 11.

⁴ Журавлев 2010, 264–276.

⁵ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92.

⁶ Масленников 2019, 134–143.

⁷ Журавлев и др. 2010, 142.

шие рюмковидные лепные сероглиняные «сосудики» («плошка на ножке»). Чаще всего, однако, верхняя часть (вместилище) конусовидная или округлая в разрезе. Изредка она как бы со сливом, еще реже внутри «вместилища» имелся своего рода «шип» или даже несколько таких, а то и полый «цилиндрик» с отверстиями. Ножка в большинстве своем тонкая, цилиндрическая, относительно высокая. Реже – подтреугольная или ромбовидная в сечении, иногда украшенная горизонтальными или вертикальными насечками. Основание, как правило, круглое, с выемкой, или плоское. В римское время попадаются изделия с фигурным (трехлопастным либо даже «ажурным») основанием. Нередки сосуды, где собственно ножка (ствол) как бы отсутствует, и верхняя часть непосредственно переходит в нижнюю, разумеется, сужаясь в этом месте (перевернуто-подбиконической формы). Встречаются и еще более «экстравагантные» варианты (подцилиндрические или кубовидные с валиками-налепами либо выступами).

Никто, насколько мне известно, не озадачился типологией этих предметов. Между тем они, по нашим наблюдениям, – неперемный атрибут всех, по крайней мере сельских, святилищ Восточного (и не только) Крыма, как домашних, так и общественных (наверное, правильнее сказать «общинных?»), в том числе и как бы *extra urbem*⁸. Но и в поселенческих слоях и комплексах, а также в погребальной обрядности на сопредельной варварской территории (см. ниже) такого рода находки в указанное время не сказать, чтобы большая редкость. И «Полянка» в этом отношении – не исключение.

Вовсе не собираясь сколь-либо основательно обращаться здесь к этой тематике, остановимся кратко лишь на двух «вопросах»: чем являлись (для чего служили) и откуда взялись (прототипы) лепные, условно рюмковидные изделия.

На первый вопрос ответ вовсе не так однозначен, как кажется. И он отчасти как бы зависит от второго. А именно: таковые встречаются с чашечками-вместилищами как сильно обгорелыми изнутри и отчасти снаружи, так и вовсе без следов копоти. Но и это, понятное дело, не основание судить: светильник ли перед нами или курильница. Да и местоположение их (вернее, место находки) далеко не всегда «подсказка». Огонь, как, впрочем, и в «случае» с «нормальными» глиняными лампами, мог гореть и в святилище, и в жилом помещении, и в «подсобке». Носить такого рода светильники было хотя и менее удобно, нежели традиционные, с ручкой, но вполне себе можно. Курильница же, по идее, не требовала сильного и долгого горения (что-то там дымилось, «благовоняло» и ладно, и хорошо...). Истина, скорее всего, посередине: в зависимости от места, действия (надобности) и обстоятельств (как без этого!) рюмковидные лепные изделия и в повседневном быту, и в сакральной практике служили и тем и тем. Именно обломки «рюмок» чаще всего происходят из мусорных или вообще культурных напластований. А целые – из разного рода помещений. И частный пример тому – наше маленькое собрание. Но сначала – ответ на второй вопрос. Кажется почти безусловным, что прототипом этих светильников-курильниц являлись не столь уж и редкие, действительно рюмкообразные, тонкостенные, гончарные красноглиняные изделия, находимые при раскопках боспорских городов, сельских усадеб и святилищ (в том числе в рассматриваемом регионе: Генеральское – Западное, Крутой Берег,

⁸ Масленников 2007.

Рис. 2. Полянка. 6–8 – красно- и сероглиняные гончарные светильники; 9–10 – лепные светильники-курильницы редких типов.
Fig. 2. 6–8 – red- and gray clay pottery lamps; 9–10 – molded incense burner lamps of rare types.

Сююрташ да и окрестности «нашей» же Полянки) предшествовавшего времени, вплоть до конца II в. до н.э. Разве что помимо, естественно, большей изящности, верхняя часть у них, как правило, цилиндрической формы. Их назначение именно как курильниц как будто бы не вызывает сомнений. Значит, изначально и лепные «аналоги» служили тем же целям. Могут возразить, вернее, добавить: а как же насчет так называемых позднескифских лепных курильниц примерно того же времени? Действительно, несколько разновидностей таковых (рюмковидные, перевернуто-биконические, т.е. коническое вместилище и подконическое же основание без промежуточной цилиндрической ножки или даже и с ней, а также полые «подцилиндрические» и «кубовидные» с налепами⁹) находят аналогии среди боспорских (прежде всего – Танаис)¹⁰ материалов. Но, подчеркнем, только эти «варианты». В целом же на сопредельных (как на востоке, так и на западе и даже севере) пространствах варварского мира лепные курильницы приблизительно этого же времени совершенно другие¹¹. Тем не менее с учетом же неоднократно высказываемых предположений об инфильтрации соответствующего варварского населения на территорию, по крайней мере, дальней хоры Европейского Боспора и именно в эпоху Митридата и его ближайших преемников (подробнее останавливаться на данной теме мы не будем) это выгладит вполне себе реально. Впрочем, такая культурно-культурная «инфильтрация» могла идти и в обратном направлении... Но вернемся к нашим материалам.

Итак, из раскопок «Полянки» происходит 15 целых и фрагментированных, прокомментированных выше лепных изделий. Преобладают – «классического» рюмковидного типа. Но есть две-три только что упомянутого «псевдо-позднескифского» варианта (рис. 2, 9–10). Подробно описывать их все, полагаю, нет смысла.

И, наконец, как уже заявлялось, переходим к самому важному и существенно-му в связи с данной темой.

Как известно, в отечественной античной полевой археологии широко применяется термин «помещение». Между тем, строго говоря, не всякое замкнутое (ограниченное стенами) пространство являлось именно таковым. А главное – не всякое помещение было жилым, т.е. собственно жильем, тем более, если это комплекс построек. Ведь в реалии что-то было кладовыми, стойлами для скота, огороженным двором, туалетом и т.п. Проблема отождествления той или иной постройки или ее части именно с жильем (ойкосом?), как все знают, далеко не проста¹². Между тем от ее решения зависит не так уж и мало. Во всяком случае, все предположения демографического толка – совершенно точно. Да и некоторые этнокультурные и хозяйственные реконструкции тоже. Не останавливаясь здесь на этом сколь-либо подробно, отметим только, что соответствующая античная письменная традиция в отношении сельской глубинки (да тем более такого «медвежьего угла», как Северное Причерноморье) безмолвствует. Остается только уповать на археологию. Но и тут, как понятно каждому, наши «возможности» очень ограничены как по причине заведомо плохой, а точнее, абсолютной «несохранности» всякого рода органики,

⁹ Пуздровский 2007, 359, рис. 85.

¹⁰ Арсеньева 1988, 82–131, табл. 46–48.

¹¹ Синика и др. 2014, 65–101.

¹² Чистов 2023, 100–107.

включая дерево, так и крайней бедности (разумеется, по сравнению со странами Средиземноморья) и, наверняка, бытовой неприхотливости здешних поселян. И, думается, светильники, вернее, их локализация при раскопках – один из немногих (наряду с печами, культовыми возвышениями-«столами», «ларями», терракотами, ценными вещами, «деньгами»), хотя и не бесспорных соответствующих «критериев». Особенно явно приобретенные, относительно ценные для поселян лампы. В этой связи примечательно, что все интересующие нас находки, как и вообще мало-мальски целые и ценные предметы происходят из помещений той части поселения Полянка, которое просуществовало дольше прочих (условно к северу от поздней оборонительной стены) или участка оно, внезапно покинутого и как бы законсервированного. Из прочих все было явно собрано и унесено. Логично предположить, что ими более или менее постоянно пользовались именно в жилых «покоях». И в случае некоего внезапного катаклизма они – светильники – оставались именно в таких помещениях. Как долго они вообще бытовали? Да по-разному. Дело случая... Но их все-таки берегли, поэтому что-то могло и пережить владельца, т.е. срок жизни одного поколения. Это, так сказать, к вопросу о хронологии.

Итак, практически все гончарные светильники нашего собрания были обнаружены именно в помещениях (№ 2, 5, 37, 40, 59, 86). Находки же лепных, в том числе рюмкообразных – не столь очевидно «привязаны» к ним. Часть их, в том числе почти все фрагменты, происходит просто из слоя, что, в общем-то, естественно. Но целые почти исключительно также найдены в помещениях, какие бы функции у них (и изделий, и помещений) не были. В паре случаев гончарные и лепные светильники («рюмки») были обнаружены вместе. (И тогда вероятность отождествления «вторых» с курильницей сильно возрастает?) С учетом прочих специфических находок (терракот, подсыпок из морских раковин, монет и т.п.) относительно некоторых, подчеркнем, единичных помещений можно предположить их сакральное назначение. Но что примечательно: в сельских святилищах Восточного Крыма, по крайней мере, известных, настоящие керамические лампы, как показывают наши раскопки¹³, фиксируются крайне редко, да и то лишь в римское время. Нет их и в известном полянском святилище.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т.М. 1988: *Светильники Танаиса*. М.
- Журавлев, Д.В. 2010: О боспорских светильниках типа «кувшинчика». *ПИФК* 1, 264–276.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В. 2023: Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Профессор Е.А. Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г.* Нижний Новгород, 48–78.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. 2010: *Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э.: импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени* (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Т. II). Киев.

¹³ Масленников 2007.

- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2022: Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59–100.
- Масленников, А.А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. М.
- Масленников, А.А. 2019: Сероглиняная керамика с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму. *РА* 4, 134–143.
- Пуздоровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Синика, В.С., Мельникова, В.А., Тельнов, Н.И. 2014: Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. *Stratum plus* 3, 65–101.
- Чистов, Д.С. 2023: Помещения-ойкосы в античной жилой архитектуре Северного Причерноморья. В сб.: *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. СПб., 100–109.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow* (Studia Archaeologica 94). Roma.

REFERENCES

- Arsenyeva, T.M. 1988: *Svetil'niki Tanaisa [Lamps of Tanais]*. Moscow.
- Chistov, D.S. 2023: Pomeshcheniya-oykosity v antichnoy zhiloy arkhitekture Severnogo Prichernomor'ya. In: *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt Petersburg, 100–109.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow* (Studia Archaeologica 94). Roma.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie svyatilishcha Evropeyskogo Bospora [Rural sanctuaries of the European Bosporus]*. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2019. Seroglinyanaya keramika s lakovym pokrytiem iz raskopok poseleniya Polyanka v Vostochnom Krymu [Dark-glossed gray clay pottery from the Polyanka settlement in the Eastern Crimea]. *RA* 4, 134–143.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary monuments]*. Simferopol.
- Sinika, V.S., Melnikova, V.A., Telnov, N.I. 2014: Lepnye kuril'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya VI–I vv. do n.e. [Molded incense burners of the 6th to 1st centuries BC from the sites of the Northern Black Sea region]. *Stratum plus* 3, 65–101.
- Zhuravlev, D.V. 2010: O bosporskikh svetil'nikakh tipa «kuvshinchika» [About Bosporan jug-shaped lamps]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 264–276.
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V. 2023: Importnye svetil'niki s volyutami iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika [Imported lamps with volutes in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Professor E.A. Molev i sovremennye problemy antikovedeniya. Materialy nauchnoy konferentsii «Istoriko-arkheologicheskiy simpozium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva», Institut mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhniy Novgorod, 22 yanvarya 2022 g. [Professor E.A. Molev and modern problems of ancient studies. Proceedings of the Scientific Conference “Historical and Archaeological Symposium in Memory of Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev”, Institute of International Relations and World History of Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, January 22, 2022]*. Nizhniy Novgorod, 48–78.
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V., Zheltikova, A.L. 2010: *Svetil'niki vtoroy poloviny III v. do n.e. – IV v. n.e.: importnye ellinisticheskie svetil'niki. Bosporskie svetil'niki ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Lamps of the Second Half of the 3rd Century BC – 4th century AD:*

imported Hellenistic lamps. Bosporan lamps from Hellenistic and Roman times] (Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya svetil'nikov [From the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Collection of lamps]. Vol. II). Kiev.

Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2022: Stolovaya posuda i svetil'niki iz Rezidentsii Khrisaliska [Tableware and lamps from the Chrysaliskos Residence]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 27, 59–100.

LAMPS FROM THE “POLYANKA” SETTLEMENT

Aleksandr A. Maslennikov

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

E-mail: iscander48@mail.ru

The paper discusses the finds of red- and gray clay pottery and molded lamps at the Polyanka settlement. The first are few (8 whole pieces). Most of the latter (13 specimens) most likely served as incense burners. Almost all of the pottery and up to half of the stucco come from the premises and date back to the 1st century BC. All of them find numerous analogies in various ancient sites of the Bosphorus and the Northern Black Sea region. Pottery and partly molded incense burner lamps, along with some other artifacts and archaeological evidence, are a kind of indicator of the residential purpose of a particular room.

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project No. 23-18-00088
